

Л. В. ВЫСКОЧКОВ

Николай I

<Фрагмент>

«ЭПИМЕТЕЙ НА ТРОНЕ»

Вместо заключения

В древнегреческих мифах о братьях-титанах Прометее и Эпиметее (сыновьях Иапета, внуках Урана и Геи) рассказывается, как Прометей, украв для людей огонь, подвергся жестокому наказанию Зевса. В то же время благоразумный Эпиметей выполнил волю Зевса и взял предложенную ему в жены красавицу Пандору, наделенную прелестями всех богов («всеодаренную», как переводится с древнегреческого ее имя). Сам Зевс подарил ей в качестве приданого сундук-ларец, который запретил открывать. Дальнейшее известно. Любопытство взяло верх, Пандора открыла сундук, выпустив в мир людей всевозможные несчастья и болезни. Единственной полезной вещью в сундуке Пандоры для Эпиметея оказалась некая стоическая мудрость, чувство ответственности.

По сравнению с психотипом «Дионис» (свобода и импульсивность), «Прометей» (дух научного поиска), «Аполлон» (самодостаточность, стремление быть самим собой), «Эпиметей» обладает другими наклонностями и способностями. «Люди этого типа, — пишут об «Эпимете» психологи, — обладают высокоразвитым чувством ответственности; они склонны поддерживать иерархические отношения в системе, где им приходится работать. Им хорошо понятны механизмы взаимоотношений начальник — подчиненный, причем они могут одинаково успешно действовать в беих ролях»¹.

Чувство долга является преобладающим для людей этого типа. Как правило, без труда решая бытовые проблемы в житейских ситуациях, они стараются занять какой-нибудь пост, должность, всячески повышая затем их значимость и одновременно укрепляя свой авторитет. Чем бы они ни занимались, для них характерны бережливость, стремление сохранить накопленное для потомков. Одновременно это «летописцы общества, они не только пишут историю, но и преподают обществу уроки истории». Решая традиционную проблему соотнесения в обществе свободы и равенства, когда с ростом свободы уменьшается равенство, а чрезмерное стремление к равенству-нивелированию ограничивает свободу, «лидер типа Эпиметея, ощущая себя инстинктивно знающим истину», пользуется этим, «рассматривая иерархию (неравенство) как единственный путь к свободе»².

Не смешивая характер (то есть модель поведения человека исходя из определенных мотиваций) с темпераментом, отметим три наиболее распространенные структуры человеческого поведения, в которых проявляется личность. Первый тип характеризуется преобладанием когнитивных (познавательных) функций, связанных с развитием интеллекта, — это «мыслитель». Второй тип — аффективный (чувственный), для которого непосредственную ценность представляет общение с людьми, — это «собеседник». Наконец, тип личности, которому наиболее соответствует реконструкция личности Николая Павловича, — это «практик» с преобладанием практических (преобразующих мир) ценностей, склонностью руководить людьми или производственными процессами на разных уровнях, обладающий умением и готовностью принимать ответственные решения, но порой эмоционально не сдержанной³. Последний тип людей часто представляют физически развитые люди мощного телосложения — «атлетики», к которым, несомненно, относился император Николай Павлович.

Для практика характерна склонность к точным наукам, и в этом отношении Николай Павлович не был исключением, проявляя соответствующие наклонности в годы ученичества и затем искренне предаваясь своему увлечению инженерным делом. Он обладал даром языков (французский, английский, немецкий, русский, возможно, понимал по-польски). Явные недостатки в сфере широкого гуманитарного образования не мешали ему разбираться в людях, а также быть человеком весьма компетентным в определенных сферах — военно-инженерном деле, градостроительстве,

картографии, повседневном быте армии от уставов до униформы. Основательность, практичность, стремление к порядку во всем, знание основ инженерного дела проявлялись и в строительной деятельности. Интересно наблюдение маркиза де Кюстина: «Мысль нынешнего императора находит воплощение даже на улицах Петербурга: он не возводит для собственного развлечения скоро-спелых колоннад из оштукатуренного кирпича; повсюду заменяет он кажущееся на подлинное, повсюду камень вытесняет гипс, а здания мощной основательной архитектуры изгоняют прельстительное, но ложное величие»⁴. «Я мало встречала людей, одаренных таким логическим положительным и практическим умом, как император», — свидетельствовала Д. Х. Ливен⁵. В дневнике А. С. Пушкина приведена реплика, брошенная его добрым знакомым П. И. Полетикой в мае 1834 года. Тогда, сравнивая Николая I с покойным Александром I, Петр Иванович заметил: «Император Николай положительнее, у него есть ложные идеи, как и у брата, но он менее фантастичен»⁶. Практический склад ума и особенности характера приводили к тому, что Николай Павлович старался вникнуть во все дела. Он развивал неутомимую деятельность, будь то чтение отчетов и бумаг, которые он изучал от корки до корки, испещряя пометками карандашом, отправляя с посыльными записки, написанные карандашом на полулистах почтовой бумаги, а то и меньше, или смотры, ревизии, дальние поездки по российским дорогам, зарубежные вояжи. «Деятельность его, и физическая и моральная, всегда превосходила, казалось, силы обыкновенных людей», — писал барон М. А. Корф⁷. Требовательный к себе, он не любил «тунеядцев» — слово, характерное для его лексикона⁸. Об этом же пишет и его дочь Ольга Николаевна.

Подобно Петру I, на которого он искренне старался походить, Николай Павлович старался научиться делать все, вплоть до того, что самонадеянно пытался управлять большим парусным судном нестандартных габаритов «Россия», которое было построено с некоторыми изменениями в плане по высочайшей воле⁹. В основах морского дела он, судя по всему, разбирался. Однако его непрофессионализм мог поставить в затруднительное положение командира и команду корабля. Это был 120-пушечного класса корабль (вооруженный 128 орудиями) длиной 208 футов и шириной 55 футов 8 дюймов, спущенный на воду в Новом Адмиралтействе 5 июля 1836 года¹⁰. За его громоздкость и неуклюжесть моряки называли его «коровой». Когда, взяв рупор, император стал лично

командовать рискованным для остойчивости корабля поворотом, командир «России» В. А. Шпеер заранее подстраховался и шепотом передавал свою команду через стоящего сзади него экипажного адъютанта. Команда знала, что делать, и маневр кончился благополучно. Обращаясь тогда к А. С. Меншикову, известному своими меткими словцами, Николай Павлович с некоторой рисовкой сказал: «Морского дела не изучал, а Россию повернуть могу»¹¹.

Николай Павлович хорошо рисовал и чертил резцом гравюры, проявляя склонность к коллекционированию не только военной арматуры, но и произведений изобразительного искусства. Он обладал хорошим голосом и музыкальным слухом, исполнял несложные произведения на «музыкальных трубах» во время домашних вечеров у императрицы. Феноменальная зрительная память, характерная для многих представителей династии Романовых, от Александра I до Николая II, помогала ему поддерживать личные контакты с людьми. Он помнил по фамилии и в лицо огромное число офицеров, чиновников, представителей аристократии и артистов, унтер-офицеров и слуг. Как правило, он никого не забывал из тех, с кем ему приходилось общаться. Во время пребывания в Англии в 1844 году он узнал, например, бывшего пажа, который прислуживал ему в 1816–1817 годах, и, к удивлению присутствующих, подошел к нему, пожал руку и завязал непринужденный разговор. Но он так же хорошо помнил и своих недругов. И просто тех, кто ему не угодил, неохотно прощая или вовсе никогда не прощая их. Его «убийственную» в этом отношении память вспоминали многие. Он не был творческой личностью, не понимал поэзии, в художественной литературе предпочитал исторические романы Вальтера Скотта и сентиментальные французские романы Эжена Сю для семейного чтения вслух. Был страстным театралом и, не лишенный музыкального слуха и вокальных способностей, не был чужд музыке. Основным критерием оценки художественных произведений русских авторов для него была идеально-политическая направленность, соответствующая принципам самодержавия и народности. И на этом поприще он оставался практиком, взяв на себя роль верховного цензора.

Склонность к военному делу отвечала его потребностям в стремлении к порядку, игре по правилам, единобразию. И в этой сфере его качества руководителя-практика раскрылись наиболее полно. «По своим интимно-интеллектуальным потребностям, — писал А. Н. Савин, — Николай до конца своих дней оставался, в сущ-

ности, военным, не способным и не желающим вытравить из себя аромат кордегардии, всего свободнее дышал на ученье и на смотру, был несравненным фронтовиком... Николай тяготел к практическому, с охотою проверял выкладки своего министра финансов, имел военно-инженерные сведения»¹². «Он входит даже в подробности», — отмечал Ф. Б. Гагерн¹³. Излишняя обстоятельность, внимание к мелочам перерастали подчас в придирчивость, он явно недооценивал психологическое значение этих постоянных мелких придирок, которые могли довести людей до исступления. В военной службе он был «неприятным педантом», что дало повод одному из авторов отнести его «к законченному типу военного бюрократа»¹⁴. Это утверждение верно только отчасти, но склонность к формальной стороне военного дела часто преобладала, что также вытекало из особенностей его психологического склада. «Рутинные бюрократические процедуры раздутого бюрократического штата, — пишут психологи, характеризуя тип «Эпиметея» в роли лидера-администратора, — начинают носить ритуальный характер, когда все усилия... бывают направлены на сохранение традиций и поддержание устоев». В то же время «практичность, умение принимать взвешенные решения, определенность позиции... в значительной степени облегчают взаимодействие с ним окружающих. Работа в рамках конкретного плана, основанного на строго проверенных фактах, обуславливает надежность и стабильность... Правила игры будут соблюдены в деталях»¹⁵.

Характерное качество, свойственное личностям типа «Эпиметей», — преимущественная забота не о себе, а о других. Людям этого типа, отмечают психологи, «присуще стремление выполнить свой долг, отдавая, не получая, и заботиться, не ожидая заботы о себе». Приведем два характерных эпизода из Русско-турецкой войны 1828–1829 годов, близких по своему содержанию и реакции императора на пренебрежение к нуждам солдата. Вот что рассказывает И. С. Листовский со слов Е. Ф. Долинского, бывшего адъютанта фельдмаршала И. И. Дибича: «Известно, что государь строго смотрел на дисциплину и при этом был внимателен к положению солдат. Раз, во время турецкой войны, в летний жаркий день... полк был в ранцах и полной походной форме. Когда государь, осмотрев, ушел в свою палатку, все начальствующие лица разошлись, а полк остался на том же месте, под ружьем. Государь сидел в своей палатке у окна и занимался... Зашед к Дибичу, он застал его обливающегося водой. Между тем, услышав голос го-

сударя, собирались все. Государь с большим гневом говорил: «Все предаются отыху, а о бедных людях не подумали, что они в ранцах под ружьем в жару стоят». — «Ложись!» — крикнул государь, и вся команда легла»¹⁶.

В походных записках Ф. П. Фонтона рассказывается о похожем случае, произошедшем 29 июня (11 июля) 1828 года под Басарджиком. Тогда в сильнейший зной солдаты столпились у двух фонтанов, стараясь добыть воды. Когда Николай Павлович услышал шум, он вышел из палатки: «Несколько приветливых слов заставили солдат радушно и единодушно закричать свое: “Рады стараться!” — Но в это время государь, обращаясь назад, чтобы дать приказание завесть очередь у фонтана, увидел другое зрелище. Около другого навеса близ царской палатки стояли вельможи, русские и европейские, попивая замороженное шампанское с зельтерской водою. Ты знаешь, как царь воздержан в отношении нужд материальной жизни, как мало он имеет потребностей, и ты можешь себе представить, какое на него сделал впечатление контраст между страданиями бедных солдат и невоздержанностью господ придворных. Видя там послов и посланников, государь не делал замечания, но он призвал коменданта Главной квартиры Бенкендорфа и строго приказал, чтобы этого впредь не было»¹⁷.

О нравственных качествах Николая Павловича современники высказывают полярно противоположные мнения. «Он был страшно жесток, — пишет Л. Ельницкий, — но любил, чтобы его считали справедливым и добрым»¹⁸. О «бездушии» императора сообщал А. И. Герцен¹⁹. А вот по свидетельству мемуаристки М. А. Цебриковой (дочери вице-адмирала А. Р. Цебрикова и племянницы декабриста Н. Р. Цебрикова), ее отец считал Николая Павловича «образцом великодушия и справедливости»²⁰. Николай Павлович не был чужд состраданию на бытовом уровне. Он мог, например, выступить в роли мецената при оказании помощи пострадавшим от пожара на Васильевском острове в 1831 году, проявить гуманность по отношению к пленным полякам или англичанам, подарить шинель нуждающемуся учителю, позаботиться о пострадавшем при столкновении с его санями извозчике, при дорожной аварии под Чембаром настоять, чтобы первую медицинскую помощь оказали пострадавшему более него лакею.

Николай Павлович был человеком своего времени и по-своему заботился о солдатах, хорошо зная их повседневные нужды. На основании упорядоченного устава о рекрутской повинности

1832 года срок службы солдат в действительной армии был сокращен с 25 (в гвардии служили 23 года) до 20 лет, а довольствие, выплачиваемое нижним чинам, увеличилось в 9 раз. В 1849 году нормы выдачи мяса были увеличены до 84 фунтов в год на каждого строевого солдата (это почти 100 граммов в день) и 42 фунта на нестроевого. Ранее даже в гвардии выдавалось всего 37 фунтов. Особое внимание император уделял госпиталям, число которых к 1851 году удвоилось, достигнув 189. Естественно, солдатская ля姆ка оставалась нелегкой. Как пишет М. М. Бородкин, «учить было тогда синонимом бить. От искрометных кулаков (костяшек) душа солдатская уходила в носки и пятки; громили по спине, шее, скулам. Увесистые пощечины в счет не брались...»²¹.

В качестве примера жестокости и лицемерия Николая Павловича часто ссылаются на его резолюцию 1829 года, впервые опубликованную без указания местонахождения источника в 1883 году. Суть дела состояла в следующем. Одесский градоначальник граф Ф. П. Пален, исполнявший во время отсутствия генерал-губернатора М. С. Воронцова обязанности новороссийского генерал-губернатора, донес Николаю I о двух евреях, которые во время карантина (через год, в 1830 году, страну потрясет эпидемия холеры) тайно перешли границу на реке Прут. Граф Ф. П. Пален в рапорте от 11 октября 1829 года ходатайствовал о том, чтобы двух нарушителей, вероятно, контрабандистов, приговорили в порядке исключения к смертной казни, так как только строгое и примерное наказание, по его мнению, могло приостановить карантинные преступления. Тогда-то Николай Павлович и наложил резолюцию: «Виновных прогнать сквозь тысячу человек 12 раз. Славу Богу, смертной казни у нас не бывало и не мне ее вводить»²². Действительно, выполненное усердно такое наказание могло быть страшнее смертной казни, но все зависело от конкретного исполнения экзекуции. Известно, что многие из солдат и унтер-офицеров Черниговского полка за участие в восстании под Васильковом (Белоцерковский уезд Киевской губернии) были приговорены к различным телесным наказаниям, а трое (фельдфебель М. Шутов, унтер-офицер П. Никитин, рядовой О. Борисов) к 12 тысячам шпицрутенов. Однако никто из них не умер, так как, по свидетельству бывшего члена Общества соединенных славян И. И. Горбачевского, человеколюбивый генерал К. Ф. Вреде просил солдат щадить своих товарищей. А вот офицера- поляка Д. Грохольского, разжалованного в рядовые, солдаты не поща-

дили. Он умер после экзекуции в шесть тысяч ударов²³. Вообще же заимствованные из Пруссии шпицрутены были введены в русской армии еще при Петре I в 1701 году, а апогеем их применения следует считать вторую половину царствования «либерального» Александра I, насаждавшего их руками А. А. Аракчеева. Во время царствования Николая I верхний предел наказания шпицрутенами был ограничен шестью тысячами ударов, а затем в 1834 году последовало высочайшее повеление, в соответствии с которым максимальное наказание было снижено до трех тысяч ударов, хотя повеление это не было обнародовано, «дабы не ослаблять действие существующего закона»²⁴. Об исполнении экзекуции над двумя нарушителями границы и ее последствиях ничего не известно. Можно предположить, что в этом случае император руководствовался принципом, сформулированным в напутствии наследнику Александру Николаевичу в 1835 году, когда Николай Павлович собирался на маневры в Калиш, находившийся в Польше на границе с Пруссией. Тогда, предполагая возможность покушений со стороны поляков, Николай Павлович составил нечто вроде назидательного завещания отца сыну, в котором были и такие слова: «...Усмиряй, буде можно, без пролития крови. Но в случае упорства мятежников не щади, ибо, жертвуя несколькими, спасешь Россию»²⁵.

То, что обычно называют «жестокостью», не было сколько-нибудь ярко выраженным свойством психики Николая Павловича. Скорее, это было проявление принципиального и осознанного подхода к людям определенных взглядов и поступков, к тем, кто выходил за рамки, предписанные субординацией, инструкциями, или позволял себе выражать чувства протesta, но прежде всего к тем, кто действовал, по убеждению Николая Павловича, во вред России. В беседах *tete-a-tete* государь «часто упоминал о своем трудном положении, обязывавшем его часто делать то, что ему вовсе не по сердцу»²⁶. Непопулярные «меры пресечения», как правило, обусловливались не личной жестокостью Николая Павловича, а его службой на посту императора. Как считал любимый герой его юношеского сочинения, римский император-стоик Марк Аврелий, «ты пытайся убедить их, но действуй хотя бы и против их воли, раз уж ведет тебя к этому рассуждение справедливости»²⁷. Право определять, что хорошо и что плохо, Николай Павлович, естественно, оставлял за собой. Хорошо его знал А. В. Эвальд, сохранивший для нас уже приводившееся выше высказывание

государя, что ему «не нужно умных голов, а нужно верноподданных», писал: «Ни к чему так строго и беспощадно не относился император Николай Павлович, как ко всякому проявлению неповиновения и вообще протеста... Человек добрый, внимательный к нуждам каждого, очень часто нежный... он становился суровым и беспощадным при малейшем проявлении того, что в те времена называлось либеральным духом. Суровую военную дисциплину с ее безмолвным повиновением... он неукоснительно проводил во весь строй гражданской жизни»²⁸.

Что ж, Николай помнил записку о пагубности духа либерализма или вольномыслия, написанную покойным братом Александром I незадолго до поездки в Таганрог. Обладая «гениальным инстинктом охранения», по мнению рассуждавшего на этот счет уже позднее К. Н. Леонтьева, «государь был до такой степени идеальный самодержец, каких история давно не производила». Даже славянофилы, которые так же, как и он, являлись пламенными патриотами, вызывали его настороженность, потому что были либералами, а «Николай Павлович чувствовал, что под боярским русским кафтаном московского мыслителя кроется обыкновенная блузка западной демократии»²⁹. Он был из числа тех, зачастую негибких деятелей и неудобных людей, которые не поступались своими принципами. Многие черты характера способствовали выполнению им обязанностей государя, но именно принципиальность и честность во всем подчас мешали ему быть гибким политиком.

Вопреки расхожему представлению о том, что Николай I был чужд всякого милосердия и сантиментов, он, при всем своем ярко выраженным темпераменте холерики, отличался склонностью к меланхолии и нередко выглядел несчастным. Проявляя свои чувства в ярко выраженной форме, он часто целовал людей, будь то растрогавший его декабрист П. Г. Каховский или незнакомый человек в лисьей шубе у Зимнего дворца утром 14 декабря 1825 года. Во время Пасхи, когда он христосовался с сотнями людей, его щека становилась черной. Он отличался чувствительностью и часто плакал, когда сердце его бывало затронуто. По свидетельству современников, он плакал во время допроса П. Г. Каховского, заливался слезами у гроба Н. М. Карамзина, чьи мысли о незыблемости самодержавия были ему так близки. Вместе с Александрой Федоровной плакал он во время торжественной присяги наследника-цесаревича в 1834 году, плакал над телом покойного А. Х. Бенкendorфа в 1844 году, как сиделка дежурил у сраженного апоплексическим

ударом любимого брата Михаила Павловича в 1849 году, а во время его похорон, несмотря на болезнь, выдержал весь церемониал до конца. «Когда гроб стал медленно опускаться и загремели пушки и беглый огонь, государь так зарыдал, что раз даже вырвалось у него громкое всхлипывание»³⁰. Со слезами на глазах высказывал новый император свои мысли и чувства французскому посланнику Ла-Ферронэ во время приема дипломатического корпуса 20 декабря 1825 года. Слезы наворачивались у него на глаза при одном из первых исполнений в интимном кругу гимна «Боже, царя храни» (зимой 1833/34 года), а также на первом светском концерте духовной музыки в 1850 году. Но особенно глубокие переживания ожидали его в годы Крымской войны, когда он как будто сразу сдал и постарел. После поражения под Альмой А. С. Меншиков направил к нему своего адъютанта С. А. Грейга, приказав откровенно рассказать обо всем, что тот видел: «Когда государь выслушал Грейга, слезы полились у него ручьем. Он схватил Грейга за плечи и, потрясая его довольно сильно, повторял только: “Да ты понимаешь ли, что говоришь”»³¹.

Для Николая Павловича было характерно открытое проявление чувств, эмоциональных реакций, которые нередко можно было предсказать. По мнению Э. Кречмера, темпераменты «разделяются на две большие конституциональные группы — шизотимиков и циклотимиков». Впрочем, это не больные люди, а только предрасположенные при определенных обстоятельствах стать шизофрениками или приобрести циркулярный психоз, т. е. стать циклоидами. Обладающие циклоидным характером, по мнению Э. Кречмера, это «прямые несложные натуры, чувства которых в естественной и непритворной форме всплывают на поверхность и, в общем, понятны каждому. Шизоидные люди за внешним скрывают еще и нечто глубинное... Что скрывается за этой маской? Мы не можем по фасаду судить, что скрывается за ним... Цветы шизофренической внутренней жизни нельзя изучать на крестьянах, здесь нужны короли и поэты. Бывают шизоидные люди, относительно которых после десятилетий совместной жизни нельзя сказать, что мы их знаем»³². Они способны на неожиданные экстравагантные поступки вплоть до внешне немотивированного убийства или сотворения шедевра искусства. Николай Павлович был психически здоровым человеком, без сколько-нибудь заметной тенденции к патологии, но темперамент циклотимики-циклоида все-таки больше соответствовал его натуре. При некоторой неожи-

данности и даже непредсказуемости отдельных поступков Николая Павловича в глазах людей, не представляющих его внутреннего мира и системы ценностей, на самом деле в его действиях, в системе наград и наказаний и т. д. прослеживается четкая логичная мотивировка, в основе которой лежала, как правило, требовательная справедливость.

Представление о «масках», которые Николай I якобы то надевал, то снимал, разыгрывая свой «сценарий власти», верно только отчасти. Многие, как, например, хорошо знавшая императора М. П. Фредерикс, опровергают представление о некоторой его двойственности. Наоборот, цельная натура Николая Павловича была ближе к циклоидным характерам. Некоторое позерство и актерство вытекали из необходимости играть роль императора в соответствии с определенными установками и принципами, но они не были неожиданными. Он вел себя так, как должен был вести государь, по крайней мере так, как он должен был вести себя в его представлении. Описывая социальную установку психотипа циклоидов, Э. Кречмер пишет: «Они имеют потребность высказаться, высмеяться и выплакаться, ближайшим естественным путем стремятся к тому, что приводит их душу в адекватное движение, радует и облегчает ее, — к общению с людьми. Всякий раздражитель настроения находит в них отклик...» Чувство собственного достоинства у такого рода людей не приводит к резкому противоречию между личностью и окружающим миром; они не требуют жизни для себя и дают жить другим, но убеждены в ценности и правах своей индивидуальности. Лишь в редких случаях у них проявляется сильное честолюбие, которое подчас проявлялось у Николая Павловича. У циклоидов, как пишет Э. Кречмер, «влечение к труду и самомнение значительно больше, нежели сильное стремление к высоким идеалам... Названия “деятельный”, “экономный”, “солидный” и прежде всего “прилежный” относятся к самым частым характеристикам нашего материала»³³.

Николай Павлович скорее тяготел (только тяготел, оставаясь здоровым человеком) к циклоидам с депрессивной окраской. Здоровые, в принципе, люди с такими задатками в обычное время дружелюбны, не угрюмы, понимают юмор, смеются вместе с другими, иногда сами острят, но в то же время часто меняют настроение из-за каких-нибудь мелочей, при печальных обстоятельствах печалятся дольше и глубже других, иногда плачут. «На тяжелых ответственных постах, — отмечает Э. Кречмер, — при

опасных положениях, при неприятных ситуациях, при неожиданном крахе в делах они не становятся нервными, раздражительными, угрюмыми, как средние люди и особенно шизоиды, а делаются печальными. Все представляется им в мрачном свете и стоит перед ними как непреодолимое препятствие»³⁴. Историк А. Е. Пресняков отмечал характерный для Николая Павловича перепад настроений, когда тот подчас «терялся в отчаянии от неудач — и тогда малодушно жаловался, даже плакал»³⁵. В то же время меланхолические черты циклоида могут сочетаться и с гипоманиакальной половиной характера. Гипоманьяк вспыльчив, но человека с такими задатками гнев быстро освежает, он быстро вспыхивает и тут же становится добрым. Настроение циклоида меняется между веселостью и грустью, в целом же он отличается душевностью. Может быть, поэтому М. А. Корф несколько неожиданно для незнакомых близко с императором людей пишет о его «высокой, светлой, поэтической душе»³⁶.

Действительно, некоторый налет романтизма, окрашенного в сентиментальные тона, не был чужд Николаю Павловичу: увлечение средневековым прошлым Англии, коллекционирование холодного оружия, царскосельская «карусель» в рыцарских латах, культ служения прекрасной dame в лице Александры Федоровны, склонность к произведениям Вальтера Скотта и Эжена Сю, любовь к морю, стремление к единению в кругу семьи на лоне природы, стремление к идеалу в образе Петра I... «В Петергофе, — пишет А. Н. Бенуа, — образ двух русских государей, стяжавших себе славу неумолимой строгости, получает иной оттенок. Фигуры Петра Великого и Николая I приобретают в окружении петергофской атмосферы оттенок “милой уютности”. Один превращается в голландского средней руки помещика... Другой рисуется романтическим мечтателем, увлеченным мыслями о далеком рыцарском средневековье или о менее далекой эпохе грациозно-шаловливого рококо»³⁷. С учетом этих настроений становится понятным отмеченное инженером А. И. Дельвигом намерение, якобы высказанное Николаем Павловичем при посещении Нижнего Новгорода в 1843 году, после двадцатипятилетия царствования передать престол наследнику, а самому поселиться в одной из башен Нижегородского кремля³⁸.

Среди недостатков характера Николая Павловича прежде всего бросалась в глаза его вспыльчивость. Проявлявшиеся еще в детском возрасте строптивость и вспыльчивость в даль-

нейшем сдерживались, но иногда прорывались как в мелочах быта (плохо заваренный или недостаточно сладкий чай), так и в общении с подчиненными. Он гневался на неисполнение приказа, при несогласии со своим мнением, а иногда и без причины, проявляя подчас оскорбительное бездушие и даже жестокость. Мемуаристка М. А. Цебрикова вспоминала о капитане ластовой (рабочей) команды Вернадском, как-то сразу состарившемся после психологического шока, который он испытал при следующих обстоятельствах. Император по своей привычке решил встретить на подходе эскадру кораблей, возвращавшуюся в Кронштадт после продолжительного плавания. Однако эскадру основательно потрепал шторм, и навести уставной порядок на кораблях не успели. «Он грозно спросил дивизионного вице-адмирала Игнатьева, отчего такой беспорядок на корабле; тот трепещущий стоял ни жив ни мертв от страха, бормоча что-то нечленораздельное. Николай Павлович закричал, что адмирала в отставку, капитана на салинг (позорное наказание для офицера, так как на салинг — верхнюю площадку на мачте — посыпали нижних чинов). Потом наказание было смягчено: адмиралу — выговор, капитану — отставка, офицерам и команде — выговор в приказах. Вернадского перевели в ластовые»³⁹. Об аналогичном случае рассказывает и будущий адмирал А. И. Шестаков, описывая посещение Николаем Павловичем Кронштадта вскоре после появления у его фортов английской эскадры Ч. Непеира в 1854 году: «Еще в “Ковше” он незаслуженно и непристойно оскорбил адъютанта великого князя (Константина Николаевича. — Л. В.) кн. Юшкова, а в Кронштадтской гавани, проезжая мимо корабля “Император Александр I”, по которому стучали тогда десятки конопатчиков, закричал: “Что за шум?” Командир корабля Н. П. Опочинин нагнулся с корабля, чтобы поймать не расслышанные им слова государя, и услышал гневный крик: “Командира на салинг...” Его подвергли этому истинно телесному наказанию три часа и отпустили уже сигналом из Петергофа»⁴⁰. Справедливости ради следует признать, что, получив четкий и правдивый ответ, объясняющий причины беспорядка на корабле, Николай Павлович нередко этим и удовлетворялся, но он страшно гневался, когда видел или чувствовал, что его пытаются обмануть.

Обозвать кого-то дураком, как в детстве он обозвал одного из древних философов, было для него в запальчивости делом обычным. Незадолго до кончины, 12 (24) февраля 1855 года, находясь

не в духе, Николай Павлович последний раз навестил Инженерное училище. Он узнал об оплошности коменданта училища генерала А. И. Фельдмана. В одном из залов замка помещались тщательно выполненные модели крепостей (вплоть до каждой пушки), в том числе и осажденного союзниками Севастополя. По знакомству, Фельдман иногда разрешал посмотреть на них. Однажды сторож заметил среди посетителей двух подозрительных господ, державшихся особняком и делавших разные заметки в своих записных книжках. Их выпроводили, но пронесся слух, что это были иностранцы. Современник вспоминает, как разнес император коменданта — человека, кстати сказать, маленького роста, приходившегося Николаю Павловичу едва по пояс. «Как ты осмелился, старый дурак, — кричал на него государь, грозя пальцем, — нарушать мое строжайшее приказание о моделях? Как ты осмелился пускать туда посторонних, когда и инженерам не доверяю я эти вещи? ...Не комендантом тебе быть этого замка, а самому сидеть в каземате под тремя запорами! Я не пощажу твоей глупой лысой головы, а отправлю туда, где солнце никогда не восходит!»⁴¹. Мог он в личной переписке с И. Ф. Паскевичем обозвать «дураком»⁴² греческого короля.

Однако Николай Павлович был способен понять свою оплошность и в тактичной форме принести извинения. Когда в годы Русско-турецкой войны под Варной у него вырвалось обидное для генерала К. И. Бистрома замечание, он извинился небольшой запиской, написанной по обыкновению карандашом. Вспылив, он мог сказать «дурак» генералу Г. А. Захаржевскому, но уже на следующий день принести извинения перед строем. Вопреки распространенному мнению, Николай Павлович способен был признавать свои ошибки и исправлять чужие, в том числе допущенные Александром I. Так, один из братьев-генералов Сергей Алексеевич Тучков еще при покойном Александре Павловиче был привлечен к суду как генерал, действующий под началом П. В. Чичагова, несправедливо обвиненного в измене Отечеству за действия при Березине в 1812 году. На него М. И. Кутузов возложил всю вину и ответственность за то, что Наполеону с остатками войск удалось все же уйти. Вступив на престол, Николай I объявил опального С. А. Тучкова от суда освобожденным, но тот, обиженный двадцатилетним следствием, не приехал даже на коронацию, несмотря на приглашение. Позднее, будучи в Измаиле, где проживал С. А. Тучков, Николай Павлович направился к его дому: «Сергей Алексеевич лежал больной в постели. Услыша

о неожиданном приезде государя, он стал медленно одеваться, как дверь отворилась и Николай Павлович показался на пороге. Он быстро подошел к Тучкову, говоря: “Я знаю, ты болен; ложись в постель, нам недолго беседовать”. — Сказавши это, государь придвинул стул к постели и стал говорить о делах, а о былом не было и помина. В продолжение всей службы Сергея Алексеевича государь спрашивал его, какую награду он желает получить. Тучков отвечал, что желает дать свое название Измаилу. Это было исполнено: с лишним сорок лет Измаил носил имя город Тучков»⁴³. Вероятно, это был не единственный случай. Однажды в конце 1841 года крестьянина за дерзкие слова в адрес государя (сказанные в пьяном виде) присудили на каторгу. Когда наследник сообщил об этом отцу, Николай велел простить крестьянина и заметил вечером М. А. Корфу, что «не понимает, как это дело могло у него проскочить»⁴⁴.

Кстати, сам Николай Павлович мог отнести к таким выпадам весьма оригинально и со своеобразным юмором. По рассказу, записанному Л. И. Кингом, однажды в кабаке напротив Московского вокзала, где потом была построена гостиница, некто Иван Петров рассквернословился до того, что целовальник не выдержал. Желая унять пьяного посетителя, он указал на бюст императора: «Перестань сквернословить, хотя бы ради лика государева». Перепивший Петров ответил: «А что мне твой лик, я пллюю на него!» — после чего повалился и тут же захрапел. Очнулся он в кутузке Рождественской части. Обер-полицмейстер С. А. Кокошкин донес об оскорблении Его Императорского Величества в утреннем рапорте государю. Прочитав докладную, Николай I улыбнулся и наложил резолюцию: «Объявить Ивану Петрову, что и я на него пллюю, и отпустить»⁴⁵. После этого случая Петров окончательно спился. Аналогично передает рассказ Богуславский, но там фигурирует портрет императора (вероятно, лубочная картинка «сузdalской печати»). В его передаче мужик был приговорен к наказанию кнутом и ссылке на каторжную работу, но когда приговор по утвержденному в этих случаях порядку принесли на подпись императору, Николай Павлович написал резолюцию: «Вместо наказания сказать, что и я на него пллюю; в харчевнях же и кабаках не дозволять вперед иметь на стенах портретов императорской фамилии»⁴⁶. Эпизод вполне укладывается в рамки напутствия сыну Александру Николаевичу в 1835 году: «Пренебрегай ругательствами и пасквилями, но бойся своей совести»⁴⁷.

Однажды в Комитете министров по ошибке вместо доклада положили в пакет на имя государя лист, на котором пробовали перья. Вместо ожидаемой грозы Николай Павлович, улыбнувшись заметил: «Только тот не ошибается, кто ничего не делает»⁴⁸. Подобных примеров можно привести множество. Николай Павлович завещал сыну Александру: «Будь вообще кроток, обходителен и справедлив; и сие последнее вмещает и снисходительность, и строгость, с которыми оно неразлучно»⁴⁹.

От лиц, которым император доверял и чьи профессиональные качества уважал, он мог выслушать и противоположное мнение, а иногда и согласиться с ним. По свидетельству генерала П. Х. Граббе, во время маневров под Вознесенском в 1834 году он, испортив маневр государя, ожидал гнева. Случилось иначе: «Ошибка он приписал себе; после обеда удостоил продолжительного разговора; согласился с моими примечаниями о несходстве маневров с настоящей войной... и, видимо, хотел оставить во мне впечатление своего особенного благоволения. Двор последовал его примеру. На другой день поутру я получил орден Белого орла, что после недавнего не в очередь производства в генерал-лейтенанты означало особенную милость»⁵⁰. Признавая вспыльчивость как характерный недостаток Николая Павловича, А. Д. Блудова отмечала, что «мелкого эгоизма или тщеславия самолюбия у него не было никогда»; «любил он величие и благодеяние не свои, а России»⁵¹.

В публицистике и научной литературе довольно противоречиво оцениваются храбрость или трусость, твердость или бесхарактерность Николая Павловича, хотя мемуары почти единодушно свидетельствуют о достаточном мужестве, которое он проявил и в день 14 декабря, и на театре военных действий с Турцией, и в ожидании террористических актов со стороны поляков. В детстве он, бывало, проявлял испуг, например при пушечных выстрелах, но в дальнейшем научился владеть собой даже в экстремальных ситуациях. Если он и беспокоился, то в первую очередь за судьбу близких ему людей, а если и боялся, то за судьбу России. Не случайно, признавая определенное мужество Николая Павловича, С. Б. Любопытный переносил проявление «трусости» императора в область политики и социальных прогнозов. Его «неизлечимая трусость» не была «физиологической трусостью, — полагал он, — ...Николай обладал железной волей и огромной самоуверенностью, но вечный страх был сильнее и его воли, и его самомнения»⁵². «Бесхарактерным»

называла императора В. С. Аксакова⁵³. Историк А. А. Корнилов отмечал причины этой «бесхарактерности» и колебаний. По его мнению, Николай I, «ясно сознавая в то время необходимость преобразований, боролся с собой, видимо, старался обуздить свой собственный характер»⁵⁴. Отмеченные колебания и сомнения в наибольшей степени проявлялись в последние годы его жизни. Это отметила, в частности, наблюдательная и склонная к анализу А. Ф. Тютчева: «Все последние акты его царствования, отмеченные печатью нерешительности и противоречий, свидетельствуют о мучительной борьбе, происходившей в душе этого человека, правдивого и благородного даже в своих заблуждениях»⁵⁵.

Николай Павлович был верующим человеком. Но он верил также в свое предназначение и свою судьбу. Резко негативно оценивая Николая I как «политического деятеля», адмирал А. И. Шестаков вместе с тем писал: «Всем памятно, с какою готовностью он откладывал в сторону полубожескую важность, когда чувствовал себя несправедливым, с каким душевным удовольствием он испрашивал прощения у оскорбленных дикостью его природы. А смелость, которая валила на колени безумные толпы, озаряла его сиянием власти, не допускавшим мысли непокорности, отбросившим самое злодейство. Ничья рука не могла подняться на человека, носившего в себе убеждение неуязвимости. Страх в его глазах был для простых смертных, а не для помазанника, над которым блюла сверхъестественная охрана. Только с таким убеждением, с такою верою человеку несколько извинительно считать свою волю законом»⁵⁶. Примерно к такому же выводу, не извиняя Николая Павловича, пришел и академик Е. В. Тарле, считавший, что император «был болен самой безнадежной, наиболее ослепляющей и отупляющей формой самоуверенности», поскольку уверовал в то, что «само пророчество бдит над ним и вдохновляет его»⁵⁷.

В определенной самоуверенности и известной доле рыцарства (в нежелании воспользоваться бедой соседа для достижения внешнеполитических целей) была скрыта и слабость, столь ярко проявившаяся в последние годы царствования. Не случайно, оценивая дипломатические и военные меры императора в 1848–1849 годах, канцлер О. Бисмарк назвал Николая Павловича «преувеличенно рыцарственным самодержцем»⁵⁸. Во всяком случае, как отмечал, в частности, Н. Я. Данилевский, тогда Россия не только не воспользовалась трудным положением союзников, чтобы беспрепятственно округлить свою территорию за счет Молдавии и Валахии,

но и пришла на помощь Австрии⁵⁹. В начале же Крымской войны Николай Павлович ждал ответных шагов от своих союзников и прежде всего от Австрии — таких, какие бы предпринял сам в силу своего характера и своих принципов, забывая, что благодарность в политике — удел дилетантов. Во многом была права А. Ф. Тютчева, рассуждая о причинах неожиданной и преждевременной смерти императора: «Нет никакого сомнения, что его убили последние политические события и не столько война и ее неудачи, сколько озлобление и низость не только его врагов, но и тех, в ком он видел своих друзей и союзников, на кого он считал себя вправе рассчитывать и ради кого он часто, вопреки собственным патриотическим чувствам приносил в жертву даже интересы своей родной страны»⁶⁰.

Военные поражения Николай Павлович тоже переживал очень тяжело. Известие о неудачной попытке отряда генерал-лейтенанта С. А. Хрулева выбить противника из Евпатории, когда потери убитыми и ранеными составили почти 700 человек, было последним сообщением из Крыма, полученным уже больным императором. Вполне возможно, что именно нравственное потрясение и психологический шок стали причиной его преждевременной кончины.

Николай I не был реакционером, каким его часто изображали политические противники. Он был консерватором, но «консерватором с прогрессом», способным к определенным умеренным реформам сверху, подготовленным постепенно, без заигрывания с общественным мнением. Процессы, происходившие во время его царствования, которые он в значительной степени инициировал, способствовали созданию экономических основ нового общества, складыванию русской национальной культуры. Образ Петра Великого, воспринимаемый как символ национального единства, сыграл свою роль в идеологическом обеспечении этого процесса. Царствование Николая I подготовило грядущие реформы после Крымской войны, когда дворянство и правящая элита страны оказались готовы поступиться рядом своих корпоративных преимуществ во благо России.

